

К. Каутский

**Размножение и развитие в
природе и обществе**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
К11

К11 **К. Каутский**
Размножение и развитие в природе и обществе / К. Каутский – М.: Книга
по Требованию, 2017. – 300 с.

ISBN 978-5-458-48066-6

К. Каутский. Сочинения, том 12

ISBN 978-5-458-48066-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2017

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2017

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА.

Русский перевод книги Каутского «Размножение и развитие в природе и обществе» уже в первом издании, вышедшем в 1910 году в Киеве, несколько отличался от оригинала.

Предисловие к русскому переводу значительно больше предисловия к оригиналу. Оно содержит интересные подробности об эволюции взглядов Каутского, которых мы не находим даже в «Воспоминаниях», писанных им специально для русских товарищей и впервые напечатанных в «Заре».

Во-вторых, так как перевод сделан был под моей редакцией с рукописи, присланной мне в Вену Каутским, то я не имел возможности внести в русское издание все те поправки, которые сделаны были им в последней корректуре.

Перевод опять сверен с оригиналом и вновь тщательно просмотрен. Он, таким образом, теперь вполне соответствует оригиналу, с той только разницей, что один параграф, выдвинутый Каутским в оригинале, в русском переводе сохранен.

Кроме того, в русское издание внесены и другие дополнения. Старая книга Каутского, о которой он пишет в своем предисловии—«Влияние роста населения на прогресс общества»¹⁾—и до сих пор не потеряла своего интереса, как самое талантливое произведение так называемой неомальтузианской литературы. В свое время она пользовалась большой известностью и в России, в особенности, когда Каутский выступил с критикой взглядов Чернышевского. Сборник Рихтера, в котором была помещена его статья, представлявшая одну из первых попыток в западно-европейской ли-

¹⁾ Der Einfluss der Volksvermehrung auf den Fortschritt der Gesellschaft untersucht von Karl Kautsky, Wien 1880.

тературе сравнить критически взгляды Мальтуса и Чернышевского, этот сборник циркулировал в русских революционных кружках в первой половине восьмидесятых годов. В том же самом сборнике помещены были, кроме статей Лаврова и Аксельрода о русском революционном движении, еще статьи Каутского о распределении в будущем обществе и агитации среди крестьян, которые переводились и дебатировались в кружках, когда мы еще не имели никакого представления о Каутском как о наиболее выдающемся теоретике марксизма после Энгельса. И «Экономическое учение Карла Маркса» и «Томас Мор» появились только во второй половине восьмидесятых годов, да и вообще «Neue Zeit» стала органом международного марксизма только после Парижского конгресса в 1889 г.

Именно ввиду того интереса, который эта статья Каутского имеет для русских читателей, мы даем перевод его работы о «Чернышевском и Мальтусе».

Кроме того мы помещаем в предлагаемом томе «Ответ критикам», статьи из «Neue Zeit», в которых Каутский отвечает на возражения, направленные против его новой книги. Первым из этих критиков является Людвиг Квессель, один из наиболее правых ревизионистов, присяжный сотрудник «Sozialistische Monatshefte», другим—наш соотечественник Петр Маслов.

Вместе с этими приложениями русское издание дает возможность познакомиться почти исчерпывающим образом со взглядами Каутского на размножение и развитие в природе и обществе. Это не только экономический, но и социологический трактат, над которым Каутский работал в то самое время, когда вел с немецкими профессионалистами полемику, завершением которой явилась его книжка «Путь к власти».

Для современных русских читателей книга Каутского приобретает еще особенный интерес в связи с теми спорами, которые вызвала книга Бухарина «Теория исторического материализма»,—главным образом те ее главы, в которых трактуется вопрос о равновесии в обществе и природе.

Книга Каутского, писанная в 1909 году, конечно, нуждается в дополнениях. Всемирная война представляет один из любопытнейших экспериментов в области учения о народонаселении, в особенности для проверки Мальтусовой теории. Если верить некоторым немецким демографам, стоящим на точке зрения Мальтуса, то истребление, произведенное войной и связанными с ней болезнями, все еще недостаточно. Нет никакой нужды изменять основы капиталистического строя! Достаточно тем или иным путем истребить еще несколько десятков миллионов людей, чтобы восстановить необходимое равновесие между людьми и средствами существования.

Но всемирная война оказала влияние на рост народонаселения не только путем непосредственного истребления людей. Она внесла значительные изменения в условия размножения людей, изменив возрастной состав населения, соотношения между числом мужчин и женщин, между городом и деревней и т. д. Она не могла не повлиять на изменение тех законов населения, которые свойственны всякому особенному историческому способу производства.

Исследование этого вопроса, теоретическая обработка новых данных, уже доставленных и с каждым днем доставляемых статистикой народонаселения, явится одной из задач молодого поколения марксистов.

Д. Рязанов.

Москва.

Май 1923 г.

РАЗМНОЖЕНИЕ И РАЗВИТИЕ
В ПРИРОДЕ И ОБЩЕСТВЕ.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ.

Французская поговорка говорит: *On revient toujours à ses premiers amours* (всякий возвращается к предмету своей первой любви). В моей литературной деятельности она находит себе новое подтверждение.

Когда я стал социалистом и познакомился с литературой социализма, меня больше всего занимали два вопроса, которые тогда горячо дебатировались в социалистической литературе, но на которые я не находил вполне удовлетворяющей меня ответ: это были *аграрный вопрос* и *вопрос о народонаселении*. Первый из них, сводившийся, в сущности, к вопросу об отношении между промышленным пролетариатом и крестьянством, стал предметом горячих споров, особенно со времени Базельского конгресса Международного Общества Рабочих (1869). Ему посвящена была моя первая брошюра «Крестьянство и социализм»: она была конфискована и уже больше не была опубликована.

Не менее горячо дебатировалось в семидесятых годах мальтузианство,—главным образом, под влиянием дарвинизма, а затем и неомальтузианства, которое нашло свой центр в основанной в 1877 г. *Malthusian League* (Мальтузианская лига). Оно защищалось, главным образом, врачами, которые одинаково указывали на вред полового воздержания, как и на опасность перенаселения, и пропагандировали, как панацею, применение предупредительных средств.

Эта пропаганда произвела на меня большое впечатление.

Но еще раньше, чем я стал марксистом, я был приверженцем дарвинизма, который я изучал с энтузиазмом еще в то время, когда относился к Марксу совершенно холодно, даже отрицательно. Первые статьи, которые я опубликовал под общим названием «Социальный вопрос с точки зрения умственного рабочего» в лейпцигском «*Volksstaat*» в сентябре и октябре 1875 г. (под псевдонимом *Symmachos*), были совершенно не марксистские. На-ряду с Дарвином я в то время увлекался еще в особенности Бюклем. Одновременно с названными статьями в венской «*Gleichheit*» появилась серия ста-

тей о «Дарвине и социализме» (анонимно), которую «Volksstaat» перепечатал в ноябре и декабре. Обе работы преследовали одну и ту же цель—примирение дарвинизма с социализмом. В первой из них я рассматривал также мальтузианство, которое я, как дарвинист, не мог игнорировать. Но я справился с ним по обычному шаблону социалистической критики. Но чем больше я углублялся в дарвинизм, тем меньше меня удовлетворяла в вопросе о народонаселении традиционная социалистическая точка зрения. То, что я искал, я нашел прежде всего у Альберта Ланге, «Рабочий вопрос» которого пользовался в семидесятых годах большим уважением в партийных кругах. Но, как философ и политик, Ланге не мог меня удовлетворить. Этому мешало уже то обстоятельство, что я как раз тогда был отъявленным материалистом бюхнеровской школы и в то же время приверженцем самых революционных методов. Борьба на баррикадах, восстание вроде Парижской Коммуны, но, конечно, победоносное,—вот что составляло предмет моих стремлений. При таких условиях я тем меньше мог следовать за мирным кантианским этиком Ланге, что я познакомился с его сочинением только в третьем издании, в котором он делает много уступок буржуазной точке зрения.

Но я соглашался с ним, что социализм не имеет никакой теории населения, что он не может противопоставить мальтузианству своей собственной теории. То, что я нашел по этому вопросу в социалистических сочинениях, в том числе Маркса и Энгельса, частью не отвечало на мои вопросы, частью казалось мне недостаточным или даже ошибочным. Мальтузианство, как основа дарвинизма, стало для меня неопровержимой истиной, а игнорирование его социалистической теорией представлялось мне крупной ошибкой. Я тогда попытался собственными силами заполнить этот пробел нашей теории и рассмотреть критически мальтузианство. Конечно, как экономическую теорию, я ее отвергал: иначе я не остался бы социалистом. Но, как дарвинист, я признавал в органической природе тенденцию к перенаселению. Так возникла упомянутая выше книга «Влияние роста народонаселения на прогресс общества». Весной 1878 года она была готова, и я отослал манускрипт в Брауншвейг Вильгельму Бракке, который очень охотно принял его, и, наверное, издал бы, если бы выстрелы Геделя и Нобилинга с их последствиями ¹⁾ не положили как раз тогда конец всякой легальной социалистической литературе в Германии. Только осенью 1879 года мне

¹⁾ Закон против социалистов, выданный после этих покушений.

удалось найти издателя для моей книги, которая вышла в свет в январе 1880 года в Вене и сейчас же была запрещена в Германии.

Только после напечатания книги мне указали на критику теории Мальтуса, которую дал Чернышевский в своей критике политической экономии Джона Стюарта Милля.

Я внимательно изучил ее, но, хотя она мне очень импонировала, она все же несколько не поколебала моих взглядов. Отчасти она даже укрепила меня в них, потому что Чернышевский сам допускал возможность перенаселения. Его расчеты, на основании которых он пришел к заключению, что эта опасность может грозить только в далеком будущем, я не мог признать правильными. Свои критические замечания я изложил в особой статье «Чернышевский и Мальтус» в *Jahrbuch für Sozialwissenschaft* (1881).

В то же время мой интерес к аграрному вопросу послужил для меня импульсом к занятиям, которые, казалось, доказывали безусловную ошибочность теории Мальтуса. Как раз после окончания моей работы, посвященной перепроизводству людей, мне пришлось заняться исследованием вопроса о перепроизводстве средств существования, который внезапно стал на очередь дня в начале восьмидесятых годов и грозил произвести коренной переворот в европейском сельском хозяйстве. Так, в 1881 г., через год после моей книги о росте населения, появилась моя новая работа о заокеанской хлебной конкуренции. Но противоречие между этими двумя работами было только кажущимся. Я уже тогда пришел к заключению, что страны, вывозящие хлеб, которые тогда грозили разорить своими дешевыми продуктами европейское сельское хозяйство, сами пострадают от своей победы, и, по истечении периода расцвета, вследствие хищнического хозяйства, станут жертвой истощения. Я, поэтому, в перепроизводстве средств существования видел не постоянное явление, а переходящее, которое должно было исчезнуть через несколько десятилетий.

Следовательно, и это новое обстоятельство не могло поколебать мои взгляды на вопрос о народонаселении.

Вскоре после этого, весной 1881 года, я попал в условия, благодаря которым мне пришлось стать в личные отношения к Марксу и Энгельсу. Книга последнего против Дюринга уже произвела на меня большое впечатление. Я начал теперь лучше понимать основы марксизма и все больше углублялся в его изучение. В 1882 г. я уже настолько стал марксистом, что приступил к изданию журнала («*Neue Zeit*») для пропаганды его основ и приложения их к практике. Этот процесс

рышения моих взглядов не мог, конечно, остаться без влияния на изменение моих взглядов на вопрос о народонаселении. Указания, которые дает Маркс в своем «Капитале», получили для меня теперь более глубокий смысл, чем тот, который я в них вкладывал в то время, когда писал свою книгу о росте населения.

Я тогда обратил слишком мало внимания на положение, что «всякий особенный исторический способ производства имеет свой особенный исторический закон народонаселения. Абстрактный закон населения существует только для растений и животных, поскольку человек еще не вмешивается исторически в эту область»¹⁾, ибо через несколько страниц дальше я нашел следующее замечание:

«В действительности не только количество рождений и смертей, но и абсолютная величина семьи находятся в обратном отношении к высоте заработной платы, следовательно, к количеству средств существования, которым располагают различные категории рабочих. Этот закон капиталистического общества покажется бы абсурдом среди дикарей или даже цивилизованных колонистов. Он напоминает массовое воспроизводство индивидуально слабых и преследуемых видов животных»²⁾. В примечании Маркс приводит в виде иллюстрации цитаты из Смита, Галиани и Лэнга, и, между прочим, следующие слова: «Если бы весь мир находился в условиях полного благосостояния, он скоро обезлюдел бы».

Я думал тогда, что Маркс согласен с этим положением, и что его понимание закона народонаселения ничем не отличается от понимания Дебльдэ (Doubleday), Задлера и др., по мнению которых, только нищета производит перенаселение, так что лучшим средством против него служит благо состояние³⁾.

С того времени я усвоил себе более глубокое понимание приведенных выше тезисов Маркса и, главным образом, того из них, согласно которому всякий исторический период имеет свойственный ему закон народонаселения. И я поставил себе задачу проследить изменения этих законов народонаселения и исследовать сложные условия, при которых они проявляют свое действие.

В то же время, под влиянием усвоенного мною нового метода исследования, подверглись изменениям и мои взгляды на дарвинизм, а вместе с тем и на закон населения среди ра-

1) *Marx*, Das Kapital, zweite Auflage, S. 656.

2) Там же, стр. 669.

3) *Kautsky*, Einfluss der Volksvermehrung, Wien 1880, S. 109.